

Неразвращенец

Анжелен Прельжокаж удержался в рамках приличий

Коммерсантъ. - 2003. - 28 авг. - с. 13.

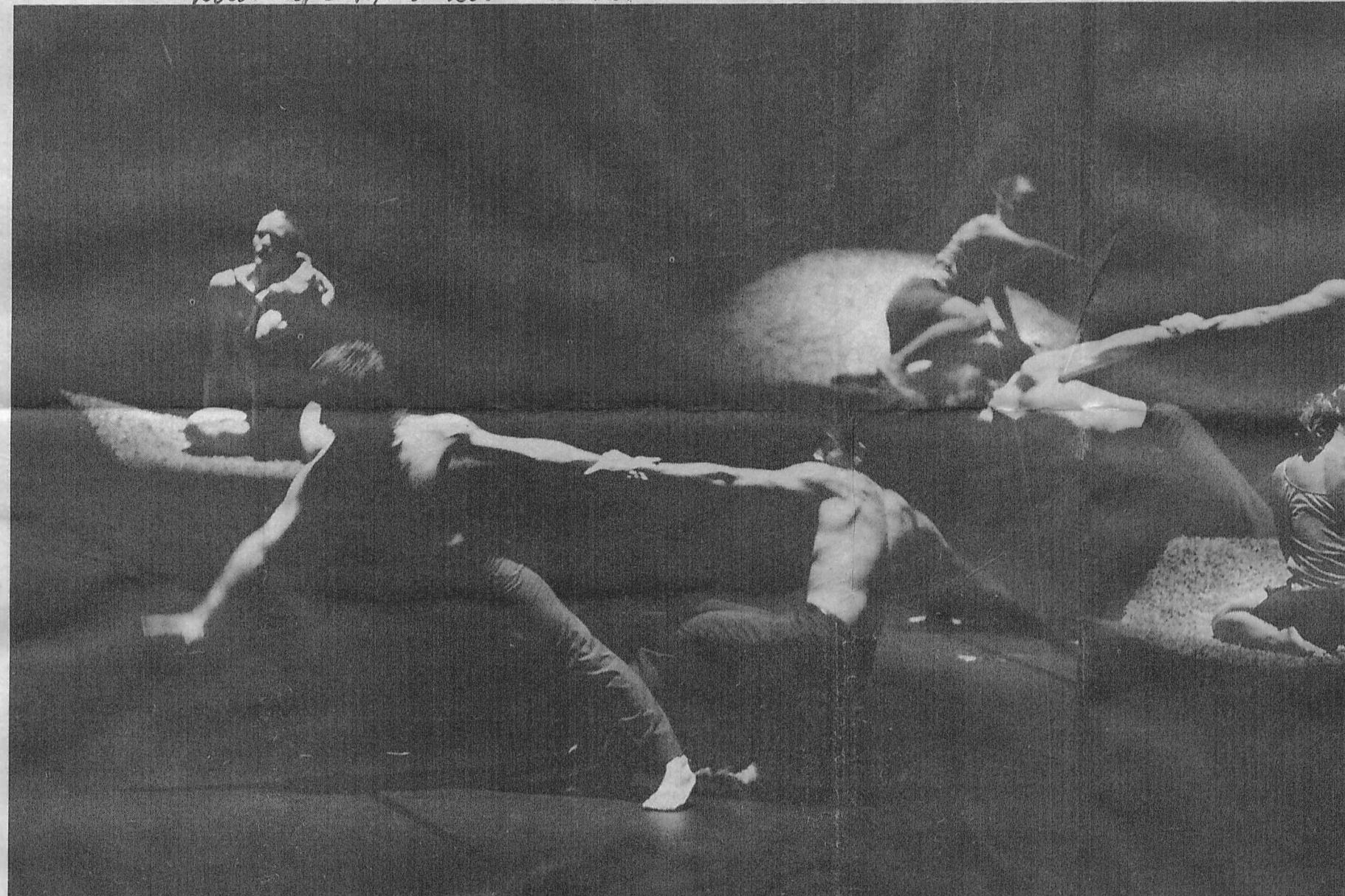
фестиваль балет

Спектаклями «Благовещение» и «Весна священная» французской труппы Ballet Preljocaj в Малом театре открылся московский международный фестиваль балета Grand pas. Открытию предшествовал скандал: общественный комитет «За нравственное возрождение Отечества» пытался запретить показ спектаклей как «кошунственных и развращающих». Балетного обозревателя „Ъ“ ТАТЬЯНУ КУЗНЕЦОВУ развратить оказалось нелегко.

Шум, поднятый вышеупомянутым комитетом и раздутый СМИ вокруг выступления французского балета, стал лучшей рекламой фестивалю — зал Малого театра ломился от публики. Поглядеть на французские кошуныства явился цвет творческой интеллигенции — от поэта Евтушенко и режиссера-англичанина Доннеллана до гендиректора Большого Анатолия Иксанова.

От руководителя труппы албанца Анжелена Прельжокажа, обосновавшегося во Франции с четверть века назад, действительно можно ожидать чего угодно — в начале своей карьеры он приобрел репутацию «варвара», за что и был обласкан французами, уставшими от собственного изыщества. «Дикарь», однако, знал, что и как делать: природный темперамент на этнические мотивы не растрчивал (тогда это было немодно), а взялся за великие балеты дягилевских «Русских сезонов», переставив по-своему и «Свадебку» Нижинской, и «Парад» Мясина, и фокинский «Призрактрозы». Актуальные, зрелищные и очень неожиданные трактовки хрестоматийных спектаклей завоевали хореографу устойчивую репутацию радикала-реформатора, и жаждавшие свежей крови академические монстры с готовностью распахнули ему свои объятия, так что теперь редкий сезон в Парижской опере обходится без новинки господина Прельжокажа.

Москва уже в третий раз принимает Ballet Preljocaj (его собственную труппу, базирующуюся в Экс-ан-Провансе): лет десять назад видела «руссосезонные» балеты, в 1999-м — политизированную «концлагерную» версию «Ромео и Джульетты» с фантастически мощными и откровенными любовными сценами. Нынешняя программа с изначальностью эротичной «Весной священной» и «Благовещением»,

В «Весне священной» Анжелена Прельжокажа мужчины на время забывают женщин, чтобы заняться друг другом ФОТО МИХАИЛА ЛОГВИНОВА

где был обещан «агрессивно-чувственный» Ангел, роль которого поручена женщине (видимо, от пресс-релиза и возбудились местные ревнители общественной нравственности), обещала нечто совершенно радикальное. Однако как любителей клубнички, так и почитателей современной хореографии ждало некоторое разочарование. Правда, по разным причинам.

Эротоманов обескуражило «Благовещение» — оно оказалось лаконичным, целомудренным и глубоким, так что москвичи смогли увидеть совсем незнакомого Прельжокажа. Тему балета ему подсказала дочь Вацлава Нижинского, уверявшая, что ее отец мечтал воплотить этот сюжет. 23-минутный спектакль хореограф поставил в 1995 году на коллаж из «Magnificat» Вивальди и «Crystal music» Стефани Рой и вовсе не думал об эпатаже или

богохульстве. Просто «не видел ангела в мужском теле», как сам признался на пресс-конференции. И был абсолютно прав — дуэт мужчины и женщины смотрелся бы куда фривольнее. А так — минимум эротизма и максимум духовной концентрации. Пространство ограничено красным прямоугольником, где тоится Мария (Наташа Гримо), жаждущая и боящаяся зачатия, как греха (робкие шажки-переступания, судорожно сжатые колени, тело, устремленное к бьющему с колосников лучу), и куда совсем с другой стороны — из темноты — вступает вполне бесполой Ангел (Изабель Арно), призванный освободить ее и от томления, и от сомнений. Пластические пассажи Ангела как пассы гипнотизера: под его бесконтактной лаской тело Марии освобождается от ханжеской зажатости. Контрастные части дуэта

придают событию динамику. Сомнамбуличность экспозиции сменяется одержимостью средней части — мощным синхронным танцем с резкими прыжками, истощными падениями на колени, вздыбленными к небесам перстами и руками, вычерчивающими в воздухе магические письмена. Этот обряд инициации заканчивается очень сдержанным и нежным «сидячим» мини-адажио — в нем задействованы только торсы, руки и головы танцовщиц. Закольцованность «Благовещения» (балет заканчивается так же, как и начался, — Ангел уходит во тьму, Мария остается в луче) вводит этот современный спектакль в русло традиции: так испокон веков изображали в балете сновидения.

«Весна священная» (постановка 1999 года) порадовала как раз любителей жареного. С первых

минут, когда одетые в майки и мини танцовщицы неторопливо стянули с себя трусы, и до последней части, которую солистка Избранница (Изабель Арно) танцевала совершенно обнаженной, там было на что посмотреть. Однако именно в своей откровенно эротичной «Весне» неистовый Прельжокаж выглядел слабее — и как хореограф, и как режиссер. Музыка Стравинского столь грандиозна и самодостаточна, что, кажется, под нее можно делать хоть зарядку — эффект все равно обеспечен. Однако есть в ней тайное коварство — цепь грандиозных кульминаций, каждая из которых могла бы стать финалом. И если не придумать внятной концепции целого, а ограничиться смакованием первобытных сексуальных порывов, то балет рискует превратиться в серию хореографических имитаций оргазма, пере-

межаемых паузами опустошения. Анжелен Прельжокаж этой опасности не избежал. Перенеся «сцены языческой Руси» в конец XX века, он не придумал, что делать дальше с этим пикником на зеленой бугристой полянке, с парнями и девчонками, наперебой провоцирующими друг друга на секс. Отдельные новшества типа развернутого мужского танца-драки с явным гомосексуальным оттенком не смогли прибавить оригинальности череде энергичных, но монотонных по рисунку и лексике танцев и искусно выстроенных мизансцен буйного насилия.

Тем не менее хочется поблагодарить блюстителей нравственности, привлечших общественное внимание к столь неординарному хореографу и столь серьезному фестивалю, каким грозит обернуться так эффектно начавшийся Grand pas.